

Лев Толстой

Неужели это так надо?

Лев Николаевич Толстой
Неужели это так надо?
Серия «Публицистика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130249

Содержание

I	4
II	9
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лев Николаевич Толстой

Неужели это так надо?

I

Стоит среди полей обнесенный стеной чугунолитейный завод с не переставая дымящимися огромными трубами, с гремящими цепями, домнами, с подъездной железной дорогой и раскинутыми домиками заведующих и рабочих. На заводе этом и в шахтах его, как муравьи, копаются рабочие люди: одни на 100 аршин под землею, в темных, узких, душных, сырых, постоянно угрожающих смертью проходах, с утра до ночи, или с ночи до утра выбивают руду; другие в темноте, согнувшись, подвозят эту руду или глину к дудке и везут назад пустые вагончики и опять наполняют их, и так работают по двенадцати, четырнадцать часов в день всю неделю.

Так работают в шахтах. На самой домне работают одни у печей при удушающей жаре, другие у спуска растопленной руды и шлака; третьи – машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники – в мастерских, также по двенадцать, четырнадцать часов всю неделю.

По воскресеньям все эти люди получают расчет, моются и, иногда немытые, напиваются в трактирах и кабаках, со всех сторон окружающих завод и заманивающих рабочих, и с ран-

него утра в понедельник опять становятся на ту же работу.

Тут же около завода мужики пашут на измученных, захудалых лошадях чужое поле. Мужики эти встали на заре, если они не провели ночь в ночном, то есть не ночевали у болота, — единственное место, где они могут накормить лошадь. Встали они на заре, приехали домой, запрягли лошадь и, захватив краюху хлеба, поехали пахать чужое поле.

Другие же мужики тут же недалеко от завода сидят на шоссеиной дороге, пригородив себе из рогожки защиту, и бьют шоссеиный камень. Ноги у этих людей избиты, руки в мозолях, все тело грязно, и не только лицо, волосы и борода, но и легкие их пропитаны известковой пылью.

Взяв из неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обутыми в лапти и обмотанными ветошками, ступнями ног, бьют по камню тяжелым молотом до тех пор, пока камень рассядется. А когда рассядется, берут разбитые куски и бьют по ним до тех пор, пока и эти не разобьются на мелкий щебень; и опять берут целые камни и опять сначала... И так работают эти люди от утренней летней зари до ночи — пятнадцать, шестнадцать часов, отдыхая только часа два после обеда, и два раза, в завтрак и в полдень, подкрепляют себя хлебом и водой.

И так живут все эти люди и в шахтах, и на заводе, и пахари, и каменобойцы, с молодых лет и до старости; и так же живут в непосильных трудах их жены и матери, наживая маточные болезни; и так же живут их отцы и дети, плохо накормлен-

ные, плохо одетые, в сверхсильной, губящей здоровье работе, с утра и до вечера, с молодости и до старости.

А вот мимо завода, мимо каменобойцев, мимо пашущих мужиков, встречая и обгоняя оборванных мужчин и женщин с котомками, бредущих из места в место и кормящихся Христовым именем, катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной гнедой четверней пятивершковых коней, из которых худший стоит всего двора каждого из любующихся на эту четверню мужиков. В коляске сидят две барышни, блестя яркими цветами зонтиков, лент и перьев шляп, стоящих каждая дороже той лошади, на которой пашет мужик свое поле; на переднем месте сидит блестящий на солнце галунами и пуговицами офицер в свежевывытом кителе; на козлах грузный кучер в шелковых синих рукавах рубахи и бархатной поддевке. Он чуть не задавил богомолка и не сбил в канаву проезжавшего порожнем мужика, в его испачканной рудой рубахе трясущегося на телеге.

«А это не видишь?» – говорит кучер, показывая кнут недостаточно скоро свернувшему мужику, и мужик одной рукой дергает за вожжу, а другой испуганно снимает шапку с вшивой головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнце никелированными частями машины, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смеются, перегоняя и пугая крестящихся богомолка.

Стороной же от шоссе едут два верховых: мужчина на ан-

глийском жеребце и дама на иноходце. Не говоря о цене лошадей и седел, одна черная шляпа с лиловым вуалем стоит два месяца работы каменобойцев, а за стик-хлыст, модный английский, заплачено столько, сколько получит в неделю подземной работы тот малый, который идет довольный тем, что нанялся в шахты, и сторонится, любуясь на гладкие фигуры лошадей и всадников и на жирную, иноземную, огромную собаку в дорогом ошейнике, бегущую с высунутым языком за ними.

Неподалеку за этой компанией едут на телеге улыбающаяся, с завитыми кудряшками, нарядная девица в белом фартуке и толстый румяный мужчина с расчесанными бакенбардами, с папироской в зубах, что-то нашептывающий девице. В телеге видны самовар, узлы в салфетках, мороженица.

Это – прислуга людей, едущих в коляске, верхом и на велосипедах. Нынешний день не представляет для них ничего исключительного. Они живут так все лето и почти каждый день делают прогулки, а иногда, как нынче, с чаем, напитками и сладостями, с тем, чтобы есть и пить не в одном и том же, а в новом месте.

Господа эти три семьи, живущие в деревне и на даче. Одна семья помещика, владельца двух тысяч десятин земли, другая чиновника, получающего три тысячи жалованья, третья, самая богатая семья – дети фабриканта.

Все эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видом всей той нищеты и каторжного труда, которые окружают их.

Они считают, что все это так и должно быть. Занимает их совсем другое.

«Нет, это невозможно, — говорит дама верхом, оглядываясь на собаку, — я не могу видеть этого!» И она останавливает коляску. Все говорят вместе по-французски, смеются и сажают собаку в коляску и едут дальше, застилая облаками известковой пыли каменобойцев и прохожих по дороге.

И коляска, и верховые, и велосипедисты промелькнули, как существа из другого мира; а заводские, каменобойцы, мужики-пахари продолжают свою тяжелую, однообразную, чужую работу, которая кончится вместе с их жизнью.

«Живут же люди», — думают они, провожая глазами проехавших. И еще мучительнее представляется им их мучительное существование.

II

Что же это такое? Сделали, что ли, эти работающие люди что-нибудь очень преступное, за что они так наказаны? Или это удел всех людей? А те, которые проехали в колясках и на велосипедах, сделали или еще сделают что-нибудь особенно полезное и важное, за что они так награждены? Нисколько! напротив, те, которые так напряженно работают, большей частью нравственные, воздержанные, скромные, трудолюбивые люди; те же, которые проехали, большею частью – развращенные, похотливые, наглые, праздные люди. А все это так только потому, что такое устройство жизни считается естественным и правильным в мире людей, утверждающих про себя или то, что они исповедуют закон Христа любви к ближнему, или то, что они культурные, то есть усовершенствованные люди.

И такое устройство существует не только в том уголке Тульского уезда, который живо представляется мне, потому что я часто выдаю его, а везде, не только в России от Петербурга до Батума, но и во Франции – от Парижа до Оверна, и в Италии – от Рима до Палермо, и в Германии, и в Испании, и в Америке, и в Австралии, и даже в Индии и в Китае. Везде два или три человека на тысячу живут так, что, ничего не делая для себя, в один день съедают и выпивают то, что прокормило бы сотни людей в год; носят на себе одежды,

стоящие тысячи, живут в палатах, где поместились бы тысячи рабочих людей; тратят на свои прихоти тысячи, миллионы рабочих дней; другие же, недосыпая, недоедая, работают через силу, губя свое телесное и душевное здоровье, на этих избранных.

Для одних людей, когда они еще только собираются родиться, призывают акушерку, доктора, иногда двух для одной родильницы, готовят приданное с сотней распахончечек, качающиеся тележки; другие же, огромное большинство, рожают детей где и как попало, без помощи, завертывают в тряпки, кладут в лубочные люльки на солому и радуются, когда они умирают.

За детьми одних, покуда мать лежит девять дней, ухаживает бабка, нянька, кормилица, за другими никто не ухаживает, потому что некому, и сама мать встает тотчас же после родов, топит печку, доит корову и иногда стирает белье для себя и мужа. Одни растут среди игрушек, забав и поучений, другие сначала ползают голыми брюхами через пороги, увечатся, съедаются свиньями и с пяти лет начинают подневольно работать. Одних научают всей научной мудрости, приспособленной к детскому возрасту, других обучают матерным словам и самым диким суевериям. Одни влюбляются, заводят романы и потом женятся, когда уже извели все удовольствия любви; других женят и отдают замуж, за кого нужно родителям, для помощи в работе от 16 до 20 лет. Одни едят и пьют самое лучшее и дорогое, что только есть на

свете, кормя своих собак белым хлебом и говядиной; другие едят один хлеб с квасом, и то не вволю и не мягкий, чтобы не съесть лишнего. Одни, не пачкаясь, меняют тонкое белье каждый день; другие, постоянно работая чужую работу, меняют грубое, изодранное, вшивое белье в две недели, а то и вовсе не меняют, а носят его, пока распадется. Одни спят в чистых простынях, на пуховиках; другие – на земле, покрывшись рваными кафтанами.

Одни ездят на сытых, кормленных конях без дела, для гулянья; другие мучительно работают на некормленных лошадях и по делу идут пешие. Одни придумывают, что бы им сделать, чтобы занять свое праздное время; другие же не успевают обчиститься, обмыться, отдохнуть, слово сказать, повидаться с родными. Одни читают на четырех языках, веселятся каждый день самыми разнообразными увеселениями, другие совсем не знают грамоты и не знают другого веселья, кроме пьянства. Одни все знают и ни во что не верят; другие ничего не знают и верят во всякий вздор, который им скажут. Одни, когда заболевают, то, не говоря о всех возможных водах, всяком уходе и всякой чистоте и лекарствах, переезжают с места на место, отыскивая самый лучший целебный воздух; другие ложатся в курной избе на печке и с непромытыми ранами, отсутствием всякой пищи, кроме сухого хлеба, и – воздуха, кроме зараженного десятью членами семейства, телятами и овцами, гниют заживо и преждевременно умирают.

Неужели это так надо?

Если есть высший разум и любовь, руководящие миром, если есть Бог, то не мог он хотеть, чтобы было такое разделение между людьми, чтобы одни не знали, что делать с избытком своих богатств, и швыряли бы без толку плод трудов других людей; другие бы чахли и преждевременно умирали или жили бы мучительной жизнью в непосильной работе.

Если есть Бог, то это не может и не должно быть. Если же нет Бога, то с самой простой человеческой точки зрения такое устройство жизни, при котором большинство людей должно губить свои жизни для того, чтобы малое число людей пользовалось избытком, который только затрудняет и развращает это меньшинство, – такое устройство жизни нелепо, потому что для всех невыгодно.

III

Так зачем же люди живут так?

Понятно, что богатые люди, привыкшие к своему богатству и не видящие ясно того, что богатство не дает счастье, стараются удержать свое положение. Но зачем то огромное большинство, в руках которого всякая власть, зачем это большинство, полагая счастье в богатстве, живет в нужде и подчиняется меньшинству?

В самом деле, зачем все те сильные мускулами и мастерством и привычкой к труду люди, – огромное большинство людей, подчиняются, покоряются горсти слабых людей, большей частью ни на что не способных, изнеженных стариков и, главное, женщин?

Пройдите перед праздниками или во время дешевых товаров по торговым заведениям, хотя бы по пассажирам Москвы. Десять или двенадцать пассажиров, состоящих из сплошных, великолепных магазинов с огромными цельными стеклами, все наполнены разнообразными дорогими вещами, – исключительно женскими: материи, платья, кружева, драгоценные камни, обувь, комнатные украшения, меха и пр. и пр. Все эти вещи стоят миллионы и миллионы, все эти вещи делались на заводах часто губящими свои жизни над этими работами рабочими, и все эти вещи ни на что не нужны не только рабочим, но даже и богатым мужикам, все это заба-

вы и украшения женщин. У подъездов с обеих сторон стоят швейцары в галунах и кучера в дорогих одеждах, сидя на козлах дорогих экипажей, запряженных тысячными рысаками. Опять миллионы рабочих дней потрачены на производство всей этой роскоши запряжек: старые, молодые рабочие, мужчины, женщины посвящают целые жизни на производство всех этих предметов. И все эти предметы во власти и в руках нескольких сотен женщин, в по последней моде дорогих шубках и шляпках шныряющих по этим магазинам и покупающих все эти приготовленные только для них предметы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.